
2007058137

ВЗГЛЯДЪ

НА НАУКУ УГОЛОВНАГО ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

Понятіе науки. Составныя части и предметъ. Методъ изученія. Сродныя науки: значеніе ихъ въ области юридическихъ наукъ. Вспомогательныя науки.

I. Человѣкъ есть существо свободное. Свободнымъ онъ остается и въ государствѣ. Можно даже сказать, что въ государствѣ только онъ и становится истинно-свободнымъ. Живя съ другими свободными существами, человѣкъ необходимо вступаетъ въ разнаго рода связи и отношенія и находитъ такимъ образомъ поводы и случаи упражнять и развивать свои нравственныя способности и силы, которыя безъ того остались-бы въ усыпленіи. Но общежитіе невозможно безъ пожертвованій и уступокъ. Оно даетъ человѣку права и обезпечиваетъ спокойное пользованіе ими; но въ вознагражденіе за это требуетъ отъ него, чтобы онъ уважалъ права другихъ, которые живутъ съ нимъ, и вообще ничѣмъ не нарушалъ мирное состояніе общества. Посему въ обществѣ возможна лишь свобода разумная, подлежащая разнымъ ограниченіямъ. Предѣлы, до которыхъ можетъ простираться свободная дѣятельность человѣка-гражданина, опредѣляются въ тѣхъ законахъ, на которыхъ основывается весь существующій въ государствѣ общественный порядокъ. Но и къ законамъ отношеніе человѣка также свободное. Они лишь ограничиваютъ его волю, но связать ее не могутъ, да и не имѣютъ въ виду, потому-что имѣютъ дѣло не съ машинами, а съ живыми и самобытными существами, ко-

торыя въ государствѣ должны не умирать, а жить всею полнотою своей разумной жизни. Какъ существо свободное, человѣкъ можетъ нарушать и не нарушать законы государства, повиноваться и не повиноваться имъ. Кто нарушаетъ законы, совершаетъ преступленіе. Преступленіе не можетъ быть терпимо. Какъ отрицаніе закона, какъ дѣйствіе своевольное, какъ противопоставленіе, возношеніе своей личной воли на волю общую, выраженную въ законѣ,—какъ злоупотребленіе свободы, оно необходимо требуетъ болѣе или менѣе сильнаго противодѣйствія, смотря по важности нарушеннаго закона и степени самаго нарушенія, которымъ-бы нарушенный законъ былъ возстановленъ во всей силѣ, и частная воля, посягнувшая на волю общую, возвращена въ указанные ей предѣлы. Всуе законы писать, когда ихъ не хранить, говоритъ Петръ Великій. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему-бы могли быть нужны и полезны законы, еслибы ихъ не хранили? Законъ, который не исполняется, все равно что не существуетъ. А много-ли-бы нашлось такихъ, которыебы хранили законы и тогда, когда-бы ихъ можно было нарушать, не опасаясь никакого противодѣйствія? На высокой степени развитія народной нравственности, конечно, возможно и такое глубокое уваженіе къ законамъ, повиновеніе имъ не за гнѣвъ, а за совѣсть, но возведеніе на нее всего народа всегда есть и будетъ лишь pium desiderium. Какъ-бы ни было высоконравственное состояніе народа, большинство его всегда можетъ быть удерживаемо въ предѣлахъ долга и закона лишь другими, менѣе благородными побужденіями. Противодѣйствіе преступленію состоитъ въ наказаніи. Преступленіе и наказаніе, какъ раждаются изъ закона, такъ и опредѣляются закономъ. Отсюда происходитъ особенный родъ законовъ, которые у разныхъ народовъ имѣютъ различное названіе, а у насъ называются *уголовными* законами отъ слова *голова*—лицо, оттого-что казни и наказанія, ими назначаемыя, падаютъ всегда главнымъ образомъ на лице преступника. Уголовные законы, какъ все, что развивается въ исторіи, не произвольны, но содержатъ въ себѣ

выраженіе вѣчныхъ началъ правды и справедливости въ той мѣрѣ и степени, какъ того требуютъ временныя и мѣстныя отношенія народа, у котораго они дѣйствуютъ, и потому, какъ всѣ другіе, могутъ быть предметомъ ученаго систематическаго изложенія. Наука, которая излагаетъ ихъ, называется уголовнымъ законовѣдѣніемъ.

II. Науку уголовнаго законовѣдѣнія обыкновенно раздѣляютъ на двѣ части: на общую и особенную. Въ общей части разсуждаютъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ-отдѣльности. Во всякой наукѣ познанію частностей необходимо должно предшествовать познаніе общихъ началъ, на которыхъ онѣ основываются. Такъ и въ наукѣ уголовнаго законовѣдѣнія прежде должно быть познано существо преступленія, существо наказанія и взаимное отношеніе между преступленіемъ и наказаніемъ, и уже потомъ должны быть изложены постановленія положительныхъ уголовныхъ законовъ о разныхъ родахъ и видахъ преступленій и соотвѣтствующихъ имъ наказаніяхъ.

III. Этотъ методъ изученія наукъ, самый простой и естественный, былъ однакоже принятъ въ наукѣ уголовнаго законовѣдѣнія не прежде, какъ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. До этого времени все изученіе уголовнаго права, наряду съ другими юридическими науками, ограничивалось однимъ истолкованіемъ положительныхъ источниковъ его, при чемъ иногда объясняемы были и общія понятія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, большею частію некстати, а всегда неполно и недостаточно. Находя этотъ способъ изученія общихъ началъ уголовнаго права неудовлетворительнымъ, нѣкоторые писатели, уже въ началѣ прошлаго столѣтія, пытались дать ему болѣе систематическій видъ, и даже раздѣлили науку уголовнаго законовѣдѣнія на двѣ части—на общую и особенную; но окончательно методъ истолковательный замѣненъ былъ, въ области права, систематическимъ, и общая часть отдѣлилась въ уголовномъ законовѣдѣніи отъ особенной только во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. Въ это время появилось философское напра-

вленіе и произвело совершенный переворотъ въ области наукъ какъ въ формальномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи.

Но, оказавъ существенную услугу наукѣ уголовнаго законовѣдѣнія въ формальномъ отношеніи, философское направленіе XVIII ст. не было благотворно для нея и въ матеріальномъ. Оно, какъ извѣстно, было такъ-называемое отвлеченное. Послѣ продолжительнаго, вѣковаго глубокаго сна, разумъ человѣческій вдругъ пробудился теперь къ дѣятельности свободной и независимой. Свергнувъ тяготѣвшее надъ нимъ иго положительнаго, онъ, подобно юношѣ пылкому и необузданному, только-что освободившемуся отъ несносной для него опеки, хотѣлъ дѣйствовать самъ собою, не слушался никого и ничего, отвергалъ и прошедшее и дѣйствительно-существующее и думалъ произвесть все изъ себя. Направленіе и вообще вредное, но особенно опасное въ наукахъ опытныхъ. Едва оно сдѣлалось господствующимъ, какъ и писатели по уголовной части заразъ подняли всѣ важнѣйшіе вопросы науки и начали рѣшать ихъ, не основываясь ни на чемъ, кромѣ внутренняго субъективнаго убѣжденія. Послѣдствія такого философствованія не могли быть сомнительны. Въ самое непродолжительное время оно наводнило область уголовнаго законовѣдѣнія самыми вредными и опасными заблужденіями, которыя едва не разрушили все зданіе его. Право уголовное, какъ и всякое другое, хотя и скрывается внутри человѣка,—въ его разумѣ, но оно не созидается путемъ отвлеченнаго мышленія, а развивается до яснаго сознанія въ исторіи и опытѣ, и тогда только становится достояніемъ науки, когда воплощается въ нихъ въ опредѣленную внѣшнюю форму. Посему всякое философствованіе о немъ, на основаніи однихъ отвлеченныхъ началъ разума, естественно должно вести по меньшей мѣрѣ къ несбыточнымъ мечтамъ и грезамъ. Къ числу вредныхъ и опасныхъ заблужденій, которыя почти тотчасъ-же были порождены философіею XVIII ст. въ области уголовнаго права, относятся главнымъ образомъ слѣдующія: 1) отторженіе уголовнаго права отъ всякаго религіознаго и

нравственнаго начала, на которомъ оно утверждалось до этого времени у всѣхъ христіанскихъ народовъ, и построеніе его на своихъ собственныхъ, не состоящихъ ни въ какой связи съ религіею и нравственностію началахъ, съ тою цѣлію, чтобы возвысить его на степень самостоятельной науки. Между-тѣмъ-какъ прежде религія, нравственность и право вовсе не отдѣлялись другъ отъ друга,—всякое право исходило непосредственно отъ самого Бога, Имъ было освящаемо и хранить его значило быть нравственнымъ и добрымъ, — въ это время, вмѣсто того, чтобы точнѣе опредѣлить взаимное отношеніе этихъ трехъ нравственныхъ идей и указать каждой изъ нихъ приличное мѣсто въ системѣ государственнаго организма, первыя двѣ были совершенно выкинуты изъ нее, какъ вовсе не принадлежащія къ ней. Но на этомъ не остановились философы прошедшаго столѣтія, а пошли на избранномъ ими пути еще далѣе: возобновивъ старинное ученіе о несвободѣ воли человѣка и о нравственномъ безразличіи его дѣйствій, они начали и вообще отвергать всякое нравственное право. Послѣ сего 2) совершенно послѣдовательно старались подорвать и то съ незапамятныхъ временъ глубоко укоренившееся въ народахъ убѣжденіе, что наказаніе есть основанное на вѣчномъ, мировомъ законѣ возмездія справедливое воздаяніе за преступленіе и оправдывали его лишь разными внѣшними, болѣе или менѣе произвольными цѣлями, даже производили его изъ какого-то договора между правительствомъ и народомъ. Все это не только проповѣдывали въ школахъ и развивали въ системахъ и руководствахъ, но и старались ввести въ жизнь, выдавая свои отвлеченныя умствованія за источникъ права и требуя, чтобы, по ихъ мѣркѣ, были выкраиваемы и положительныя законодательства. Еслибы всѣ эти толки высказаны были въ другое, менѣе смутное время, то они, безъ-сомнѣнія, были-бы отвергнуты съ негодованіемъ, но во время владычества разума они едва не ниспровергли все зданіе уголовнаго права. Тогда всякая нелѣпость, возвѣщаемая отъ имени разума, находила пол-

ное сочувствіе во всѣхъ и каждомъ, вслѣдствіе слѣпой, безграничной довѣренности къ нему; а по причинѣ открытой вражды противъ всего существующаго, всякое новое ученіе тѣмъ сильнѣе дѣйствовало на толпу, чѣмъ болѣе оно противорѣчило тому, что до-сихъ-поръ всѣми признаваемо было за непреложную истину, какъ великое открытіе, какъ доказательство ума возвышеннаго, который, въ исканіи истины, не стѣсняется никакими преградами и не останавливается никакими предразсудками. Предлагая ядъ лжеученій, лжеучители употребляли притомъ и форму самую привлекательную. Они говорили большею частію языкомъ простымъ, общепонятнымъ и увлекательнымъ, и такимъ-образомъ съ одинаковою легкостію заражали и ученыхъ и неученыхъ. Не удивительно, если плевелы, ими посѣянные, въ самое короткое время принесли самый обильный плодъ.

Расторгнувъ связь права съ религіею и нравственностію, писатели XVIII столѣтія отняли у него всякое разумное значеніе и лишили его самой лучшей гарантіи, и чрезъ это еще далѣе уклонились отъ истины, чѣмъ въ прежнее время. Въ правѣ уже не признавали не только голоса самого Божества, но и голоса божескаго ума въ человѣкѣ, а видѣли въ немъ лишь произвольное выраженіе воли законодателя или государства или и взаимное добровольное соглашеніе всѣхъ между собою, и вслѣдствіе этого не нашли ничего лучшаго для поддержанія силы его, кромѣ скотскаго страха. Какъ дѣйствіе человѣческаго произвола, какъ произведеніе рукъ человѣческихъ, право, дѣйствительно, можетъ быть поддерживаемо только внѣшнею силою и само въ себѣ оно не заключаетъ, въ этомъ случаѣ, ничего такого, почему-бы можно было его уважать; лишь въ тѣсной связи съ религіею и нравственностію оно получаетъ внутреннее освященіе и внушаетъ къ себѣ, само собою, глубокое уваженіе. Уже и этого одного достаточно было, чтобы поколебать должное уваженіе къ праву вообще и къ уголовнымъ законамъ въ-особенности. Ученіе о несвободѣ воли человѣка и о нравственномъ безразличіи его дѣйствій уничтожило его совершен-

но. Оно сдѣлало ихъ совершенно безсмысленными и развязало человѣку руки на совершеніе преступленій. Если человѣкъ и его дѣйствія несвободны, то къ чему могутъ быть нужны и полезны уголовные законы? Тому, что не въ волѣ человѣка, воспрепятствовать они не могутъ. Но и наказывать нельзя за то, что совершено по-необходимости. Даже и противиться поползновенію къ преступленію вовсе нѣтъ никакой причины, когда есть нужда и польза совершить его, если оно, какъ и всѣ дѣйствія человѣческія, безразлично. Чтобы отклонить эти слѣдствія, другіе писатели, хотя и не отрицали вовсе свободы, но приписывали ее человѣку, только какъ существу нравственному, но и черезъ это право уничтожали вовсе, но не спасали и нравственности. Человѣкъ потому только и есть существо нравственное, что онъ свободенъ и свободенъ вообще и вездѣ. Если онъ не свободенъ въ области права, то не можетъ быть свободенъ и въ области нравственности, потому-что онъ вездѣ человѣкъ и нигдѣ не можетъ быть ничѣмъ другимъ. Перешедши въ жизнь, ученіе о несвободѣ воли, необходимо, должно было наводнить ее самыми гнусными злодѣяніями. Не менѣе зла надѣлало уголовному праву и ученіе о произвольности гражданскаго наказанія. Разорвавъ всякую связь между нимъ и преступленіемъ и унизивъ человѣка до слѣпаго орудія въ рукахъ правительства, оно ввело въ область уголовнаго судопроизводства безграничный произволъ, къ которому тогда судьи и отчасти и законодатели и безъ того были склонны. Уголовные законы, дѣйствовавшіе еще и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, уже не соотвѣтствовали новымъ понятіямъ и потребностямъ общества; но и въ концѣ XVIII вѣка они всѣми единогласно признаны были жестокими и безчеловѣчными. Взглядъ этотъ на нихъ, вмѣстѣ съ другими, раздѣляли и судьи и законодатели. Итакъ, чтобы обойти ихъ, судьи придумывали разныя уменьшающія, смягчающія вину и наказаніе обстоятельства, а законодатели, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать тому, утверждали явно-противозаконные приговоры ихъ. Не лучше-ли

было-бы прямо отмѣнить жестокіе законы, чѣмъ освящать своимъ согласіемъ и примѣромъ явное нарушеніе ихъ. Къ-счастію, псевдофилософія потеряла наконецъ свой кредитъ, но вызвала, однакожь не надолго, какъ необходимое слѣдствіе, другое одностороннее, хотя и менѣе вредное направленіе, такъ-называемое положительное, которое уже отвергало въ уголовномъ правѣ всякое философствованіе, какъ совершенно не нужное разглагольствіе.

Но, на самомъ дѣлѣ, какъ философія не можетъ обойтись безъ историческаго и опытнаго, такъ и уголовное законовѣдѣніе, какъ наука, имѣетъ нужду въ философіи. Уголовное законовѣдѣніе имѣетъ своимъ предметомъ познаніе уголовныхъ законовъ. Но для того, чтобы узнать положительные уголовные законы, конечно, недостаточно только ознакомиться съ ихъ содержаніемъ; необходимо постигнуть самое внутреннее существо ихъ и уразумѣть внѣшнее значеніе въ жизни народа, у котораго они дѣйствуютъ. Положительное уголовное право, дѣйствующее у извѣстнаго народа, говоритъ Люденъ (*), есть не иное что, какъ особенная форма, въ которой воплощается у него всеобщее уголовное право; не могло-бы быть никакого положительнаго уголовнаго права, еслибы не было всеобщаго. Но на самомъ дѣлѣ положительное уголовное право, дѣйствующее у извѣстнаго народа, есть не только особенная форма всеобщаго уголовнаго права, но и опредѣленное обособленіе его,— одинъ изъ моментовъ его развитія. Какъ часть къ цѣлому, такъ и отдѣльное уголовное законодательство относится ко всеобщему уголовному праву. Поэтому вполнѣ научное изложеніе положительнаго уголовнаго права возможно только въ тѣсной связи со всеобщимъ. Эмпирически оно можетъ быть, конечно, описано и внѣ всякой связи съ нимъ; но къ истинному знанію его такія описанія не ведутъ. Они знакомятъ съ положительнымъ уголовнымъ правомъ лишь какъ съ особенною формою, въ ко-

(*) Handbuch des deutschen gemeinen und particul. Strafrechts von Heinrich Luden. Band 1, Heft. 7, pag. 6.

торой въ извѣстное время, у извѣстнаго народа проявляется всеобщее уголовное право, а самаго существа его не открываютъ.

Но главнымъ образомъ въ общей части уголовное законовѣдѣніе не можетъ обойтись безъ помощи философіи. Положительныя уголовныя законодательства излагаютъ, конечно, и общія понятія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, но они ограничиваются притомъ насущною житейскою потребностію, и потому говорятъ только о томъ, что прямо относится къ дѣлу и имѣетъ непосредственное приложеніе къ жизни, и тѣмъ совершеннѣйшими признаются они, чѣмъ менѣе содержатъ въ себѣ чисто-теоретическихъ умствованій. Наука имѣетъ совсѣмъ другую задачу. Она должна представить возможно-полное и вполнѣ отчетливое ученіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Посему она не можетъ высказать ни одного положенія безъ объясненій и доказательствъ, и должна восполнить и то, что не могло войти въ законодательство, но что необходимо для правильнаго и основательнаго пониманія существа преступленія и наказанія. Дать нужныя объясненія, представить необходимыя доказательства и восполнить недостающее въ уголовныхъ положительныхъ законодательствахъ должна также философія, но не путемъ отвлеченнаго мышленія, а на основаніи всемірно-историческаго развитія идеи уголовнаго права. Истинно-научное познаніе уголовныхъ законовъ должно заключать въ себѣ непремѣнно всѣ три элемента: положительный, историческій и философскій. Положительное должно познакомить съ настоящимъ, исторія связать настоящее съ прошедшимъ, а философія вложить душу живую въ прошедшее и настоящее: методъ историко-догматическій и есть въ наше время господствующій въ области права.

IV. Съ уголовнымъ законовѣдѣніемъ состоятъ въ тѣсной связи полиція предупредительная и уголовное судопроизводство. Всякое преступленіе, независимо отъ внѣшняго, матеріальнаго вреда, причиняемаго имъ частнымъ лицамъ, всегда болѣе или менѣе нарушаетъ и общественный порядокъ, существующій въ

государствѣ. Если-же преступленія совершаются часто, то это необходимо ослабляетъ должное уваженіе къ законамъ и не можетъ не имѣть вреднаго вліянія и на нравственность народа. Посему въ высшей степени необходимо не только наказывать за преступленія, но и по-возможности препятствовать ихъ совершенію. Въ сознаніи этой необходимости, во всѣхъ государствахъ издаются особенные законы, которыми установляются разнаго рода мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій въ самомъ началѣ. Изъ совокупности этихъ законовъ и составляется полиція предупредительная. Когда-же преступленіе совершено и должно быть наказано, то прежде должно быть изслѣдовано, точно-ли оно совершено, и если совершено, то кѣмъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ; потомъ найденное по слѣдствію основательно обсужено, и наконецъ уже назначено соотвѣтственное наказаніе. Все это предполагаетъ рядъ дѣйствій, которыя, какъ и все, что дѣлается въ государствѣ, не могутъ быть совершаемы произвольно, но должны происходить на основаніи извѣстныхъ, постоянныхъ и точно опредѣленныхъ законами правилъ. Эти правила и называются въ ихъ совокупности уголовнымъ судопроизводствомъ. Уголовное законовѣдѣніе, полиція предупредительная и уголовное судопроизводство имѣютъ одинъ и тотъ-же предметъ: всѣ они разсуждаютъ о преступленіяхъ. Посему въ преподаваніи всѣ эти науки соединяются нерѣдко въ одну науку, которая называется уголовнымъ законовѣдѣніемъ въ обширномъ смыслѣ. Полиція предупредительная еще можетъ быть преподаваема отдѣльно отъ уголовнаго законовѣдѣнія, какъ наука самостоятельная; она основывается на совершенно другихъ началахъ и разсматриваетъ свой предметъ съ своей особенной точки зрѣнія. Напротивъ, уголовное судопроизводство, какъ часть практическая уголовнаго законовѣдѣнія, тогда только и можетъ быть вполнѣ понято, когда будетъ изучаемо въ неразрывной связи съ нимъ. Разсуждать о приложеніи уголовныхъ законовъ къ частнымъ случаямъ, безъ-сомнѣнія, невозможно, не изучив-

нии ни существа, ни содержанія ихъ. Но и уголовное законовѣдѣніе, бывъ преподаваемо въ-связи съ уголовнымъ судопроизводствомъ, непремѣнно выиграетъ отъ этого тѣмъ, что тотчасъ-же найдетъ практическое приложеніе и подтвержденіе высказанныхъ имъ началъ.

V. Опредѣляя уголовному законовѣдѣнію мѣсто, принадлежащее ему въ области юридическихъ наукъ, нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей разсматриваютъ эту науку, какъ часть государственнаго права, а другіе относятъ ее къ гражданскому праву. Къ государственному праву причисляютъ науку уголовнаго законовѣдѣнія, потому-что въ наше время всякое преступленіе, въ чемъ-бы оно ни состояло, разсматривается, какъ дѣйствіе оскорбительное и вредное для самаго государства, а не для того только, кого оно непосредственно касается; почему и преслѣдованіе и наказаніе преступленій теперь совершается всегда отъ имени государства и въ его интересѣ. Частію-же гражданскаго права уголовное законовѣдѣніе признается потому, что предметъ его составляютъ дѣйствія частныхъ лицъ. И тотъ и другой взглядъ несправедливы. Сначала въ интересѣ государства и отъ его имени производятся и частные, гражданскіе процессы; и въ области гражданскаго права, всякая неправда вредитъ не одному, непосредственно обижаемому ею, но и всему обществу, ослабляя силу частныхъ правъ и подрывая довѣренность и уваженіе къ судебнымъ мѣстамъ. Не смотря на это, никогда и никому еще не приходило въ мысль только поэтому относить и гражданское право къ государственному. Даже и тогда гражданскій процессъ не теряетъ своего частнаго характера, когда государство само непосредственно участвуетъ въ немъ въ качествѣ партіи. Притомъ и въ наше время преступленія не вездѣ и не всѣ преслѣдуются самимъ государствомъ. Напр. въ Англіи только особенно опасныя преступленія преслѣдуются самимъ государствомъ, а по всѣмъ другимъ дѣло начинается не иначе, какъ по частному обвиненію, и если обвинитель не является, то, не смотря на гласность

преступленія, оно часто остается безъ всякаго наказанія. Да и во всѣхъ другихъ государствахъ цѣлый рядъ преступленій, довольно важныхъ и обыкновенныхъ, всѣ личныя оскорбленія, когда они не заключаютъ въ себѣ никакого другаго преступленія, кромѣ нападенія на честь, преслѣдуются и наказываются лишь по жалобѣ самого оскорбленнаго.

Еще менѣе основательно разсматривать уголовное право, какъ часть гражданскаго права. Предметъ уголовнаго права, конечно, составляютъ дѣйствія частныхъ лицъ, но въ немъ они имѣютъ совершенно другой характеръ, чѣмъ въ гражданскомъ правѣ. Въ гражданскомъ правѣ всѣ дѣйствія, правыя и неправыя, совершаются во имя закона и подъ защитою его; напротивъ, въ уголовномъ возможны лишь дѣйствія неправыя и прямо противныя закону. Въ области гражданскаго права и тотъ, кто хочетъ обидѣть другаго, прикрывается закономъ и облекается во всѣ законныя формы; напротивъ, преступникъ всегда прямо отрицаетъ законъ и дѣйствуетъ вопреки ему. Дѣйствія неправыя по гражданскому праву всегда сопровождаются только вещнымъ удовлетвореніемъ, взысканіемъ проторей и убытковъ и законныхъ штрафовъ; а преступленія во всякомъ случаѣ навлекаютъ на виновнаго и личную отвѣтственность. Самые денежные штрафы, когда они полагаются въ наказаніе за преступленіе, въ уголовномъ правѣ принимаютъ личный характеръ, и потому на умершаго преступника не налагаются. Наконецъ преступленія только по большей части совершаются частными лицами, но могутъ быть совершаемы и оффиціальными лицами. Таковы всѣ преступленія чиновниковъ по нарушенію обязанностей ихъ званія. Напротивъ, дѣйствія гражданскія всегда совершаются лишь частными лицами; оффиціальный характеръ въ частномъ гражданскомъ быту не служитъ ни къ чему.

Но если уголовное право не есть часть ни государственнаго, ни гражданскаго права, то какое-же значеніе имѣетъ оно въ области юридическихъ наукъ? Значеніе всякой науки въ кругу наукъ, сродныхъ ей, надлежащимъ и вполнѣ удовлетвори-

тельнымъ образомъ опредѣляется лишь тогда, когда, отыскивая его, не останавливаются на однихъ внѣшнихъ признакахъ ея, которые всегда болѣе или менѣе случайны и потому обманчивы, а стараются постигнуть ту главную идею, которая лежитъ въ основаніи ея, и обращаютъ вниманіе на тотъ предметъ, который она разработываетъ? Какая-же главная идея лежитъ въ основаніи уголовныхъ законовъ и чѣмъ собственно занимается наука уголовнаго законовѣдѣнія? Законы уголовные издаются съ тою цѣлію, чтобы охранять отъ нарушенія всѣ другіе законы посредствомъ справедливаго воздаянія за всякое дѣйствіе, противное имъ, слѣдовательно какъ-бы возвышаются надъ всѣми; а уголовное законовѣдѣніе разсматриваетъ право въ нарушеніи, тогда-какъ всѣ другія юридическія науки разсматриваютъ его въ опредѣленіи. Тѣ говорятъ объ установленіи правъ, а уголовное законовѣдѣніе разсуждаетъ объ ихъ возстановленіи. Стало-быть, наука уголовнаго законовѣдѣнія имѣетъ свою особенную, совершенно отдѣльную отъ всѣхъ другихъ юридическихъ наукъ почву для воздѣлыванія: она есть наука самостоятельная.

VI. Уголовное законовѣдѣніе есть наука не только вообще важная, но и важнѣйшая, чѣмъ всѣ другія юридическія науки. Оно имѣетъ дѣло не съ внѣшними формами, въ которыя выливается жизнь народная въ исторіи и опытѣ, какъ наприм. государственное право, и не съ обыденными, житейскими нуждами и заботами человѣческими, какъ напр. право гражданское, но съ внутренними, духовными помыслами, чувствованіями, желаніями и страстями. Посему, кромѣ другихъ наукъ, которыя необходимо требуются при изученіи всякаго права вообще, и къ которымъ относятся филологія, исторія и философія, уголовное законовѣдѣніе имѣетъ нужду еще въ другихъ вспомогательныхъ наукахъ, которыя собственно для него только и необходимы. Науки эти — психологія и судебная медицина.

Психологія, наука о человѣкѣ по превосходству, есть не вспомогательная только, но и существенно-необходимая соста-

вная часть уголовнаго законовѣдѣнія. Безъ помощи ея, въ наукѣ оно не можетъ рѣшить ни одного важнаго вопроса, а въ приложеніи непремѣнно должно оставаться безплоднымъ. Ученіе о свободѣ воли, какъ о коренномъ началѣ вмѣненія и всякой отвѣтственности и въ области права, о вліяніи тѣла на душу, о зависимости духовной природы человѣка отъ условій и отношеній внѣшняго міра, объ особенныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ ненормальныхъ состояніяхъ, которыми стѣсняется, а иногда и вовсе уничтожается свободная дѣятельность человѣка, — все это вопросы неразрѣшимые для криминалиста, если онъ не посвященъ въ тайны психологіи. Вотъ почему, безъ сомнѣнія, до начала нынѣшняго столѣтія, въ наукѣ уголовнаго законовѣдѣнія всѣхъ этихъ вопросовъ или вовсе не касались, или если и касались, то обыкновенно рѣшали ихъ такъ, что отъ этого наука отодвигалась скорѣе назадъ, чѣмъ сколько-нибудь подвигалась впередъ. Свободу воли или вовсе отвергали, какъ мы видѣли, или-же приписывали ее человѣку, только какъ существу духовному, именно потому, что не умѣли объяснить себѣ, какимъ образомъ человѣкъ, и какъ существо чувственно-духовное, можетъ быть свободенъ, когда въ мірѣ чувственномъ все вообще подчиняется закону необходимости и нигдѣ не встрѣчается ни малѣйшаго слѣда свободы. А существованія другихъ особенныхъ душевныхъ состояній, кромѣ безумія и сумасшествія, вовсе и не подозрѣвали до Платнера, который первый въ концѣ прошедшаго столѣтія осмѣлился проникнуть въ эту, доселѣ совершенно-неизвѣстную область. Но и въ наше время ученіе о душевныхъ и тѣлесныхъ болѣзняхъ еще только ожидаетъ дѣлателей, частію для дальнѣйшаго развитія его, а частію и для очищенія отъ многихъ вредныхъ и опасныхъ заблужденій, которыя всегда неизбѣжны во всякомъ новомъ ученіе. Бывъ-же развито надлежащимъ образомъ и очищено отъ заблужденій, оно не можетъ не имѣть самаго благотворнаго вліянія не только на науку уголовнаго законовѣдѣнія, но и на практическое приложеніе ея.

Прилагая-же свои знанія къ дѣлу, какъ практикъ, какъ судья, криминалистъ имѣетъ еще бо̀льшую нужду въ психологіи. Уголовный судья обязанъ обозначить качество того человѣческаго дѣйствія, которое называется преступленіемъ, чтобы опредѣлить, какія послѣдствія должно соединить съ этимъ дѣйствіемъ по закону. Выполнить эту обязанность надлежащимъ образомъ онъ не можетъ, если не будетъ въ-состояніи узнать точно качества самого человѣка, произведшаго это дѣйствіе, и всѣ обстоятельства, при которыхъ оно совершено. Совершая извѣстное дѣйствіе, человѣкъ всегда вноситъ въ него свой личный характеръ, свои особенныя намѣренія, побужденія и цѣли. А по тѣсной связи души съ тѣломъ и большой зависимости ея отъ условій и отношеній внѣшняго міра, онъ необходимо и подчиняется въ своей свободной дѣятельности вліянію разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ чего она также болѣе или менѣе видоизмѣняется. Обстоятельства рожденія, питаніе и воспитаніе, состояніе и званіе, родъ занятія и промысла, наконецъ, и общество, въ которомъ живемъ человѣкъ и дѣйствуетъ,—все это имѣетъ самое большое вліяніе на опредѣленіе характера его дѣятельности. Отсюда происходитъ, что по различію лицъ, совершающихъ преступленія, и обстоятельствъ, по которымъ и при которыхъ они совершаются, и самыя преступленія бываютъ чрезвычайно различны, и потому никакъ не могутъ быть измѣряемы однимъ и тѣмъ-же масштабомъ, но необходимо требуютъ, каждое, своего особеннаго индивидуальнаго обсужденія. Обыкновенная поговорка: *то-же, да не то*, никогда не должна выходить изъ головы судей при обсужденіи преступныхъ дѣйствій человѣческихъ, если они вполнѣ понимаютъ важность своего призванія. Но чтобы такое обсужденіе ихъ было возможно для уголовнаго судьи, необходимо основательное познаніе человѣка, близкое знакомство съ его внутренней и внѣшней природой. Но тогда въ-особенности оказывается въ высшей степени необходимымъ для уголовнаго судьи глубокое познаніе внутренней и внѣшней природы человѣка, когда онъ

долженъ имѣть дѣло съ преступленіемъ, которое выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій или по несоразмѣрности побужденій къ нему сравнительно съ его тяжестію, или по странности средствъ, употребленныхъ на его совершеніе, или по необыкновеннымъ особенностямъ совершенія и по другимъ тому подобнымъ причинамъ. Подобныя преступленія могутъ быть и дѣйствіемъ обыкновенныхъ причинъ и послѣдствіемъ особеннаго душевнаго или тѣлеснаго, нормальнаго или не нормальнаго состоянія. Только тотъ, кто умѣетъ читать въ самомъ сердцѣ человѣка, и знаетъ, какое вліяніе, при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ состояніяхъ, могутъ имѣть на свободную дѣятельность человѣка самыя повидимому ничтожныя обстоятельства, можетъ давать правильный судъ о такихъ преступленіяхъ; не имѣя этого дара и не обладая такимъ знаніемъ, всегда легко можно ошибиться и счесть дѣйствіе свободное несвободнымъ и, наоборотъ, несвободное — свободнымъ; а и еще труднѣе опредѣлить степень его свободы или несвободы. Нѣкоторое знакомство съ человѣческою природой можетъ доставить уголовному судьѣ и собственный опытъ. Но опытъ одного человѣка никогда не въ-состояніи замѣнить опыта всего человѣчества, возведеннаго къ сознанію въ наукѣ. Наука эта и есть психологія. Можно, впрочемъ, и не зная человѣка исправлять должность уголовнаго судьи. Въ опытѣ такихъ судей встрѣчается даже больше, чѣмъ психологовъ. Они берутъ преступленіе, какъ голый фактъ, подводятъ его подъ приличный законъ, и подписываютъ окончательный приговоръ. Конечно, это легче; но это судъ не надъ живыми существами, а надъ трупами. Для этого не стоитъ и изучать уголовные законы, какъ науку; довольно одной рутины. Кто мѣритъ все на одинъ аршинъ, тотъ развѣ учится тому? И безъ науки онъ скоро пріобрѣтетъ нужную ловкость. Но тогда высокое, благороднѣйшее, завидное призваніе уголовнаго судьи становится самымъ обыкновеннымъ ремесломъ, въ высшей степени однообразнымъ и скучнымъ, какъ и всякое чисто-механическое заня-

тіе. Напротивъ, знающій человѣческую природу находитъ въ немъ пищу и занятіе для своего духа. Не голый, безсмысленный и безмолвный внѣшній фактъ видитъ онъ во всякомъ преступленіи, а явленіе болѣе или менѣе любопытное и поучительное для ума и сердца. Слѣдя за преступленіемъ отъ перваго зародыша его въ душѣ человѣка, когда оно еще находится въ его волѣ, до самаго послѣдняго проявленія, когда оно уже совершенно овладѣваетъ человѣкомъ, и вникая въ причины, породавшія и первую мысль о преступленіи и содѣйствовавшія къ ея осуществленію, онъ научается сострадать и самымъ тяжкимъ преступникамъ: ибо видитъ, что часто сила обстоятельствъ бываетъ сильнѣе воли человѣка, что нерѣдко они по-крайней-мѣрѣ почти столько-же бываютъ виновны въ преступленіи, какъ и самъ человѣкъ. Отъ обращенія съ преступниками, какъ-бы оно ни было продолжительно, душа его не черствѣетъ, какъ у судьи-механика. Онъ смотритъ на преступниковъ, какъ на несчастливцевъ, силою обстоятельствъ вовлеченныхъ въ преступленіе, тогда-какъ судья-механикъ необходимо видитъ въ нихъ болѣе или менѣе злоумышленныхъ злодѣевъ, отчего знакомство съ злодѣями и злодѣяніями его только ожесточаетъ и наконецъ дѣлаетъ ему ненавистнымъ и самое званіе его. И какъ различно, по различію настроенія души, должно быть и обхожденіе судей съ преступниками. Если уголовные судьи не исполняютъ обязанностей своего званія, то главная причина того заключается именно въ томъ, что они узнаютъ преступленія, а не преступниковъ, разсматриваютъ постановленія уголовныхъ законовъ отвлеченно, а не въ-отношеніи къ людямъ, и, главное, забываютъ, что всякое преступленіе должно судить съ своей особенной точки зрѣнія.

Но не только судья, и слѣдователь, при исполненіи обязанностей своего званія, имѣетъ нужду въ помощи психологіи. Съ-тѣхъ-поръ, какъ уничтожена пытка, запрещено и всякое насиліе и принужденіе, не дозволены даже и всѣ другіе, менѣе

безчеловѣчные, но также предосудительные способы обнаруженія истины при производствѣ слѣдствій по преступленіямъ, въ распоряженіи слѣдователя осталось одно только средство— обличеніе преступника, духовное воздѣйствіе на него. Преступникъ теперь знаетъ, что если онъ не захочетъ говорить правду, никто не имѣетъ права принуждать его къ тому, и въ этой увѣренности обыкновенно лжетъ и запирается. Слѣдовательно, чтобы заставить его говорить правду, не остается ничего болѣе, какъ или убѣдить его силою изобличающихъ его обстоятельствъ, что ложь и запирательство не помогутъ ему отбыть заслуженнаго наказанія, а только отягчатъ его участь, или пробудить въ немъ раскаяніе представленіемъ благопріятныхъ послѣдствій чистосердечнаго сознанія въ содѣянномъ злѣ и невыгодъ упорства во лжи и запирательствѣ не только въ этой, но и въ будущей жизни. Какое изъ этихъ средствъ можетъ быть съ пользою употребляемо въ каждомъ данномъ случаѣ; это зависитъ отъ особенныхъ свойствъ преступника и настроенія души его допросѣ. Чтобы умѣть разпознавать особенныя свойства подсудимыхъ и пользоваться для обнаруженія истины настроеніемъ ихъ души, необходимо болѣе или менѣе глубокое познаніе человѣка вообще, къ которому и ведетъ психологія. Много значитъ и наблюденіе надъ подсудимымъ во время производства слѣдствія. Особенно важнымъ источникомъ обнаруженія истины оно служитъ тамъ, гдѣ весь уголовный процессъ есть непрерывная очная ставка подсудимаго со всѣми лицами, прикосновенными къ дѣлу. Часто и одинъ, повидимому ничего незначущій знакъ, одно неосторожное слово, внезапная перемѣна въ лицѣ, тонѣ, голосѣ открываютъ гораздо-болѣе, чѣмъ самые продолжительные, непрерывно повторяемые допросы. Но чтобы понимать эти сами по себѣ безсмысленные знаки, надо умѣть читать при помощи ихъ въ душѣ человѣка. Къ-сожалѣнію, и въ наше время, немногіе изъ слѣдователей обладаютъ этимъ искусствомъ, и потому, не смотря на законы, продолжаютъ пользоваться при производствѣ слѣдствій такими

средствами, которыя мало чѣмъ различаются отъ пытки, какъ наиболѣе сподручными имъ.

И на самыя уголовныя законодательства дѣйствуетъ благотворно психологія. Она научаетъ законодателей разсматривать людей, для которыхъ пишутся законы, не какъ свирѣпыхъ, необузданныхъ звѣрей, подобно Дракону, не какъ рабовъ, подобно Калигулѣ, но какъ людей, подобно Титу и Марку Аврелію. Разоблачая душу преступниковъ, она безчисленными примѣрами удостовѣряетъ ихъ, что и самыми величайшими злодѣяніями не разрушается совершенно въ человѣкѣ его человѣческая природа, и что вслѣдствіе этого не мечемъ и тюрьмою, не ссылкою и безчестіемъ, не средствами только разсчитанными на одну животную природу человѣка всего лучше искореняются преступленія и охраняется миръ и спокойствіе въ государствѣ, но что къ этому гораздо-вѣрнѣе ведетъ нравственное возрожденіе преступниковъ, которое всегда болѣе или менѣе удается, если только умѣть взяться за это дѣло. Уголовные законы должны быть такъ составлены, чтобы наказаніе падало только на дѣйствительно-виновнаго, было соразмѣрно преступленію, и, главное, не унижало еще болѣе преступника нравственно, напротивъ поднимало и возстановляло его, и чтобы и судопроизводство было производимо по-человѣчески, съ знаніемъ человѣческой природы.

И судебная медицина оказываетъ весьма большую помощь криминалисту какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ. Въ теоріи и она способствуетъ ему, съ своей точки зрѣнія, въ разрѣшеніи тѣхъ-же самыхъ важныхъ вопросовъ, по отношенію къ которымъ онъ такъ нуждается въ помощи психологіи. Но главнымъ образомъ криминалистъ тогда имѣетъ нужду въ судебной медицинѣ, когда для объясненія состава преступленія требуется медицинскій осмотръ, какъ-то бываетъ всегда въ случаяхъ, когда есть подозрѣніе въ насильственной смерти, отравленіи и при тѣлесныхъ поврежденіяхъ. Странно и не безвредно для исхода слѣдствія, если слѣдователь будетъ присутствовать

притомъ, ничего не понимая. По существу лежащихъ на немъ обязанностей, слѣдователь долженъ давать направленіе всѣмъ дѣйствіямъ слѣдствія, наблюдать за правильностію ихъ и отвѣчать за всякое упущеніе, слѣдовательно всегда и вездѣ быть первымъ лицомъ. Только въ одномъ этомъ случаѣ, когда онъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній въ судебной медицинѣ, онъ долженъ уступать первое мѣсто врачу, который, однакожь, какъ лице, призванное для одного только акта, и потому незнакомое со всѣми другими дѣйствіями его, не можетъ ни отвѣчать за успѣхъ его, ни обойтись безъ совѣтовъ и указаній слѣдователя.

Пользуясь пособіемъ психологіи и судебной медицины при изученіи и приложеніи къ жизни уголовнаго права, должно однакожь остерегаться, чтобы не преувеличить слишкомъ ихъ значенія въ немъ —злоупотребленіе въ наше время самое обыкновенное. Объясняя вліяніе, которое имѣютъ на душу тѣло и внѣшній міръ, и психологи и врачи заходятъ притомъ слишкомъ далеко. Въ своемъ, само въ себѣ, достойномъ всякой похвалы стремленіи спасти отъ нареканія человѣческую природу, которая, повидимому, едва не разрушается нѣкоторыми, особенно гнусными преступленіями, они насчитываютъ множество болѣзненныхъ и неболѣзненныхъ умственныхъ и нравственныхъ, несамостоятельныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ состояній человѣка, въ которыхъ его свободная дѣятельность уничтожается совершенно. Но такимъ образомъ они на-самомъ-дѣлѣ не спасаютъ человѣка отъ нареканія, а убиваютъ его нравственно. Черезъ это они отнимаютъ у него все, чѣмъ онъ отличается отъ безсловесныхъ животныхъ—разумъ и свободу. Только при благоразумномъ пользованіи психологія и судебная медицина могутъ быть, дѣйствительно, плодотворны для криминалиста; когда-же посредствомъ ихъ хотятъ постигнуть непостижимое и объяснить необъяснимое, тогда онѣ ведутъ къ самымъ вреднымъ и опаснымъ заблужденіямъ, которыми можетъ быть совершенно ниспровергнуто все зданіе уголовнаго права.

СЕРГІЙ БАРШЕВЪ.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1858. № 6).

